

После слов Гу Фучжоу на душе у У Ююаня стало немного тяжело. Генерал упомянул своего супруга, потрясающего императорского лекаря. Когда У Ююань увидел императорского лекаря Линя, он подумал, что тот – бессмертный, вышедший из сборника рассказов. Сейчас он взволнован предстоящей битвой, но императорский лекарь Линь беспокоится о муже.

Точно так же, как беспокоятся родственники всех других солдат.

Ши Пэй боялся смерти, он боялся смерти своих братьев. Генерал Гу не хотел умирать, потому что написал гарантийное письмо супругу.

У Ююань подумал о собственной семье. Когда он покинул столицу, мать с покрасневшими глазами упаковала для него вещи, его пожилой дедушка один проводил его из города. Хотя он ничего не сказал, когда они расставались, похлопавшая его по плечу рука дрожала.

«Я тоже не могу умереть. – У Ююань резко встал и громко сказал: – Никто из нас не может умереть!»

Гу Фучжоу был удивлен и сказал с улыбкой: «Почему ты вдруг так загорелся?»

«Генерал Ши прав. Будь то генерал или повар, мы все сыновья наших родителей. Важна каждая жизнь, которую мы можем спасти».

Гу Фучжоу удовлетворенно кивнул: «Неплохо. Теперь ты понимаешь. Этот месяц был потрачен не зря».

У Ююань крепко сжал кулаки. Все его тело было полно боевого духа: «Итак, генерал, сейчас не время любоваться луной. Пожалуйста, быстро помогите мне оценить построение. С таким формированием один наш солдат сможет победить десятерых, что значительно сократит потери».

Гу Фучжоу схватил У Ююаня за руку и, опираясь на него, встал: «Я немного проголодался. Иди на кухню и принеси две чаши постной лапши. Мы посмотрим на строй, пока едим».

«Хорошо, я быстро вернусь!»

Когда продуктов не хватает, это скромное блюдо из простой лапши становится экзотическим и роскошным деликатесом. Гу Фучжоу ел булочки на пару, как и все остальные солдаты. Маленькие Гу у него дома питаются лучше, чем он.

Гу Фучжоу с нетерпением ждал эту приносящую счастье лапшу. Он не ожидал, что У Ююань вернется не только с пустыми руками, но и с искаженным гневом лицом. И это был вид гнева, с примесью стыда и злости.

Гу Фучжоу открыл мешок для воды, чтобы попить, спросив: «Что случилось?»

«Когда я только что пошел на кухню, то в темноте увидел двух солдат, делающих-делающих... – У Ююань внезапно выпалил: – Делающих эту штуку обрезанных рукавов!»

Гу Фучжоу чуть не выплюнул полный рот воды. Полный восхищения и зависти, он заметил: «Неплохо».

Казалось, прошло десять лет с тех пор, как он делал «эту штуку обрезанных рукавов». Он почти забыл, каково это – держать в своих объятиях красивого лекаря.

«Военный лагерь – это серьезное место. Эти двое мужчин должны быть сурово наказаны за разврат!» – продолжал возмущаться У Ююань.

Гу Фучжоу спросил: «Разве в военном законе указано, что вы не можете заниматься мужеложством в лагере?»

«Конечно!»

«Тогда что с ними делать, согласно закону?»

«Обезглавить их!»

Гу Фучжоу издал протяжное «О» и спросил: Где эти двое сейчас? Приведи их сюда. Я посмотрю».

Вскоре после этого двое мужчин, которые были возмутительно смелы в своей похоти, со связанными за спиной руками и веревками на шеях, предстали перед генералом. Мужчины показались Гу Фучжоу знакомыми, и, присмотревшись повнимательнее, оказалось, что это Цзян-дагэ и Сяо Линь-цзы, те двое, которые в тот день обменялись паровыми булочками.

Оба опустили головы, но даже когда их привели к генералу Гу, ни один из них не просил пощады. Гу Фучжоу увидел, что их одежда была опрятной. Он жестом подозвал У Ююаня к себе и прошептал: «Разве ты не говорил, что они занимаются мужеложством?»

«Да, я видел это своими глазами».

«Что именно они делали?»

«Высокий поцеловал низкого в лоб».

Гу Фучжоу: «...»

«Генерал, – сказал Цзян-дагэ грубым голосом, – я заставил Сяо Линь-цзы. Если вы хотите кого-то обезглавить, обезглавьте меня одного».

Дрожащий от страха Сяо Линь-цзы внезапно набрался смелости и сказал: «Нет, нет, Цзян-дагэ не заставлял меня. Я сделал это добровольно».

Гу Фучжоу взглянул на У Ююаня, выражение его глаз было довольно тонким. «Как ты думаешь, что нужно сделать?»

У Ююань сказал: «Конечно, это должно быть рассмотрено в соответствии с военным законом!»

Цзян-дагэ не изменил в лице: «Если генерал хочет моей жизни, я не жалею. Но через два дня во время осады я хочу быть в первом ряду. Я хочу умереть именно тогда, прошу генерала удовлетворить эту просьбу!»

Гу Фучжоу и У Ююань посмотрели друг на друга. Во время осады тем, кто находится на самом переднем крае, почти невозможно выжить. Но при захвате города должен быть солдат, который первым преодолет стену.

Сяо Линь-цзы давным-давно знал об этом. Он не был удивлен, но все равно безудержно разрыдался.

Цзян-дагэ знал, что смерть приближается, поэтому, чтобы не оставлять сожалений, он решил нарушить военный закон и открыть сердце возлюбленному. Неожиданно, он только успел поцеловать любимого в лоб, когда его обнаружил проходящий мимо У Ююань. Это напомнило Гу Фучжоу о школьных днях, когда директор ходил по спортивной площадке с фонариком, пытаясь поймать целующиеся парочки.

После некоторого молчания Гу Фучжоу спросил: «Как вас зовут?»

Цзян-дагэ ответил: «Цзян Шиюэ».

Сяо Линь-цзы ответил следом: «Ли-Линь Лан».

Гу Фучжоу казался задумчивым, а затем внезапно улыбнулся: «Все решено. Вы определенно не умрете завтра».

Удивленный Цзян Шиюэ растерянно спросил: «А? Почему?»

«Потому что у вас очень красивые имена*. В Даюй люди с красивыми именами определенно будут жить долго».

[Примечание: Ну, у них фамилии как у наших героев: Цзян и Линь. Не сильна в интерпретации имен, но вот они □□□ и □□. Есть что-то про реки и времена года, лес и большие волны. Но скорее ГФЧ хочет надеяться на примере этой пары, что у него и ЛЦЮ все будет хорошо. К сожалению, надежда та не оправдается – Цзян Шиюэ умрет первым, как предзнаменование скорой гибели нашего Цзян гунцзы. Автор изверг!]

Цзян Шиюэ, немного смущенный, осторожно переспросил: «Генерал не убьет меня сегодня вечером?»

«Нет. Возвращайтесь и отдыхайте, – ответил Гу Фучжоу и добавил: – Сяо Линь-цзы, хорошо проведи последний день перед битвой со своим Цзян-дагэ. Двадцать четыре часа, ни секундой меньше».

Цзян Шиюэ был вне себя от радости: «Спасибо, генерал. Если через два дня я смогу выжить, я...»

«Ш-ш-ш. – Гу Фучжоу приложил указательный палец к губам и серьезно проинструктировал: – Это абсолютное табу – говорить такие вещи перед началом боя. Так что, не говори больше таких вещей».

Цзян Шиюэ не понимал, что имел в виду генерал, но последовал его словам. Он снова поклонился и увел Линь Лана.

После ухода Линь Лан не сдержался и спросил: «Цзян-дагэ, что ты только что хотел сказать? Если ты выживешь...»

Теперь, когда об этом спросил любимый, Цзян Шиюэ забыл предупреждение генерала: «Если я выживу, то после окончания войны пойду к твоей семье, чтобы сделать предложение руки и сердца. Я слышал от брата из столицы, что сейчас много мужчин женятся на супругах-мужчинах. Даже наш великий генерал женился на красивом мужчине».

Линь Лан улыбнулся со слезами на глазах, откликнувшись: «Это здорово».

Два дня спустя Даюй приказал войскам атаковать город. Как бы громко они ни призывали Западное Ся к битве, армия противника оставалась непоколебимой и не вступала в открытое сражение. Юнлянь был хорошо защищен благодаря толстым воротам и стенам высотой в тринадцать метров.

Гу Фучжоу сидел верхом на Сяо Бае, Ши Пэй и У Ююань вели войска по обе стороны от него. Он видел ворота Юнляна бесчисленное количество раз, но только сейчас понял, насколько они высоки.

Знамена развевались на ветру, грохотали боевые барабаны. Генерал отдал приказ, и солдаты подняли руки и закричали. Солдаты направились прямо к Юнляну.

Почти в тот же момент тысячи стрел были выпущены с вершины городских стен. Посыпался дождь из стрел. Рвущаяся вперед пехота боролась и падала, в то время как идущая сзади кавалерия наступала на трупы тех, кто шел впереди. Сразу после этого они были сбиты с ног второй волной стрел, и их тела были погребены под нахлынувшей волной людей.

Когда они, наконец, приставили лестницу к стенам, осаждающих встретили скатывающиеся с высоты валуны.

После этого дня Гу Фучжоу больше никогда не видел Цзян Шиюэ. Он видел только одиноко сидящего в углу Линь Лана, грызущего булочку и тихо плачущего. Через два дня он не увидит и Линь Лана.

Несколько дней подряд им не удавалось прорвать оборону Юнляна. Моральный дух армии был значительно снижен, и их запасы были на исходе. В лагере повсюду были видны стонущие от боли раненые солдаты. После осады Ху Цзи не мог вспомнить, когда в последний раз закрывал глаза, чтобы отдохнуть. А раненые солдаты все пребывали.

«Это нормально при осаде города, особенно такого большого города, как Юнлян. Тогда императору ХХ потребовался целый год и восемь месяцев, чтобы захватить город Лоян. Но разве он не преуспел? – У Ююань продолжал подбадривать всех: – У врага закончатся стрелы и камни. Пока мы держимся, день, когда мы ворвемся в город, не за горами!»

Голос Гу Фучжоу звучал измученно: «Я не сомневаюсь, что мы захватим Юнлян. Проблема в том, что демонический командир Западного Ся тоже в этом не сомневается. Он знает, что не сможет удержать Юнлян».

У Ююань спросил: «Если он знает, то почему не откроет ворота и не сдастся? Зачем затевать эту отчаянную борьбу?»

«Будь я на его месте... Поскольку рано или поздно я потеряю Юнлян, то собираюсь компенсировать потерю».

Ши Пэй спросил: «Тогда, что, по мнению генерала, стоило бы того?»

«Войска и лошади Даюй, деньги и продовольствие, осадная техника или... я, – спокойно ответил Гу Фучжоу: – Для Западного Ся нет ничего более ценного, чем жизнь генерала Гу»

Фучжоу. По мнению противника, мы так долго не могли взять Юнлян и столкнулись с нехваткой припасов, вполне разумно временно отступить. Если я притворюсь, что отступаю, и выманю врага из города, чтобы устроить засаду, даже если демонический командир знает, что это уловка, он заглотит наживку. Если Юнлян вот-вот будет потерян, они наверняка погибнут, как только оборона города рухнет. Разве не было бы хорошо, если бы генерал, убивший их принца, умер вместе с ними?»

Все молча посмотрели друг на друга, и Ши Пэй наконец сказал: «Генерал хочет... использовать себя в качестве приманки?» Последние четыре слова застряли в горле Ши Пэя надолго, прежде чем он смог их произнести.

«Нет! - взволнованный У Ююань воскликнул: - Я бы предпочел, чтобы мы все погибли в бою, чем позволили генералу рисковать собой!»

Гу Фучжоу цыкнул. «А не так давно я сказал, что ты наконец начал все понимать». Сейчас, казалось, что этот юноша ничего не понял.

«Пожалуйста, передумайте, генерал, - Ши Пэй нахмурился: - Силы Западного Ся на исходе, они не продержатся долго. Почему вы...»

«Вы думаете, я хочу этого? У нас осталось не так много еды, старший брат. Мы тоже долго не продержимся, - увидев одинаковое выражение уныния на лицах окружающих, Гу Фучжоу улыбнулся и сказал: - Строго говоря, на самом деле я не собираюсь жертвовать своей жизнью... Идите сюда».

Люди придвинулись ближе. Гу Фучжоу указал на точку на карте и сказал: «Местность здесь похожа на горлышко тыквы. Когда придет время, я приведу сюда вражеские войска, а У Ююань поведет тысячу тяжелых кавалеристов с другого горного перевала. Мы запрем дверь и побьем этих собак.* Даже если у врага вырастут крылья, им будет трудно улететь».

[Примечание: 关门打狗 / guān mén dǎ gǒu. Запереть дверь и избить собаку, обр. завлечь противника в ловушку и нанести сокрушающий удар.]

Ши Пэй надолго погрузился в раздумья, наконец он сказал: «Но, на всякий случай... Генерал, если вы хотите заманить врага, я займу ваше место!»

«Ваше мужество достойно признания, но при всем уважении, ваша жизнь не так уж весома для Западного Ся. Этого будет недостаточно, чтобы заставить их сражаться на смерть. Не волнуйтесь, я верю, что Ююань придет, чтобы спасти меня, - Гу Фучжоу стоял под пестрым светом и тенью, он улыбнулся и сказал: - Ююань, ты позволишь мне довериться тебе?»

Кадык У Ююаня подпрыгнул вверх-вниз, он с трудом выдавил из себя: «Генерал...»

«Я пойду с генералом, – заговорил молчавший до этого Шэнь Хуайши: – Я обещал императорскому лекарю Линю, что буду защищать вас».

Гу Фучжоу немного подумал и сказал: «Ты можешь пойти, но только если Ху Цзи посчитает, что твое тело достаточно восстановилось. Достаточно для отправки на поле боя».

Шэнь Хуайши сразу же ответил: «Хорошо».

В течение следующих двух дней атаки Даюй постепенно ослабевали, и Западное Ся смогли взять небольшую передышку.

Поскольку Гу Фучжоу хотел притвориться, что отводит войска, он, естественно, не мог открыто отступить в дневное время. Командир Западного Ся всегда держал Гу Фучжоу в поле зрения. Если бы главнокомандующего не удалось найти, он определенно не стал бы действовать опрометчиво. Гу Фучжоу приказал подчиненным взять заплечные мешки и разделить на три группы. Он привел одну из групп к узкому горлышку горного прохода, месту, о котором они заранее договорились.

Гу Фучжоу ехал верхом на Сяо Бае. Глядя в бескрайнюю ночь, он вдруг обнаружил, что сердце бьется немного быстрее, заметив вслух: «Плохо дело».

Следовавший за ним Шэнь Хуайши поспешно спросил: «В чем дело, генерал?»

«Ничего. – Гу Фучжоу тихо усмехнулся: – Я просто немного...»

Просто немного напуган.

Но прямо сейчас он был Гу Фучжоу, непобедимым главнокомандующим, известным Богом войны Даюй. Гу Фучжоу никогда бы не испугался, поэтому и он не может бояться. По крайней мере, он не может бояться перед этими верящими в него солдатами.

Он подумал о Линь Цинюе.

Было бы здорово, если бы Цинюй был здесь. Если бы его женушка была рядом с ним, Гу Фучжоу мог бы обнять его за талию и бессовестно начать жаловаться на тяготы жизни. Он так устал, день за днем заботы не давали ему спать. Он не хотел командовать войсками. Он не хотел сражаться. Он просто хотел быть соленой рыбой, соленой рыбой, которая весь день напролет цепляется за Линь Цинюя.

Но он – Гу Фучжоу, а Гу Фучжоу должен стоять величественно с копьём наготове и верхом на лошади, воодушевляя войска. Он старался изо всех сил. Он надеялся, что не разочарует людей.

Гу Фучжоу глубоко вздохнул и успокоил себя: «Бояться нечего. Я все спланировал».

Он услышал собственный голос, произнесший вслух: «Я совсем не боюсь».

<http://bllate.org/book/15122/1336717>